

Кодин Е.В., доктор исторических наук, профессор, Смоленский государственный университет (Россия)

Граф Я.Ю., магистрант кафедры истории России, Смоленский государственный университет (Россия)

РЕПРЕССИВНАЯ ПРАКТИКА СТАЛИНИЗМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СМОЛЕНСКИХ ИСТОРИКОВ

В статье рассматривается процесс формирования исследовательского направления по изучению репрессивной практики сталинизма на Смоленщине. Отмечается, что для историков репрессии стали объектом изучения только в 1990-е годы, когда появилась возможность работать с архивными материалами. К этому времени были переведены и изданы на русском языке работы американских исследователей, подготовленные на документах «Смоленского архива» – Мерла Фэйнсоды и Роберты Маннинг. Доступ к архивам и возможность знакомства с различными методологическими подходами по проблематике репрессий позволили смоленским исследователям взяться за разработку отдельных направлений репрессивной практики сталинизма в регионе. Вначале О.В. Кобец и Р.В. Шамшин проанализировали практику колхозного строительства и раскулачивания на Смоленщине, выявив причины незначительности крестьянского сопротивления государственной политике в деревне рубежа 1920-1930-х годов. Б.В. Макеев, получив доступ к документам архива УФСБ по Смоленской области, показал деятельность органов прокуратуры и суда по рассмотрению уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в 1937-1938 гг. В работах О.В. Корниловой получила свое развитие тема ГУЛАГа на примере Вяземлага по строительству автомагистрали Москва-Минск. Самым значимым результатом многолетнего труда смоленских историков по репрессивной практике сталинизма в регионе стало формирование и издание многотомного смоленского мартиролога «Книга памяти жертв политических репрессий» и создание на его основе электронной картотеки жертв политических репрессий за 1917-1953 гг.

Ключевые слова: сталинизм, репрессии, Смоленщина, историография, смоленские историки.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-95-104

Введение. Тема репрессий сталинской эпохи стала активно входить в сферу исторической науки только после 1991 г., когда началась так называемая «архивная революция», хотя первые попытки понять и объяснить феномен сталинизма были предприняты в годы перестройки. Вначале тема сталинизма получила свое воплощение в полемическом сборнике «Историки спорят» [3]. Еще большую дискуссию вызвала книга Л.А. Гордона и Э.В. Клопова «Что это было?» [20]. Одновременно появится и уже непосредственно посвященная личности И.В. Сталина двухтомная работа Д.А. Волкогонова «Триумф и трагедия» [2]. К началу 1990-х годов феномен сталинизма станет уже неотъемлемой частью и предметом исторического анализа. Центральное место здесь с самого начала займет тема репрессий. При этом далеко не все регионы страны сразу же активно включатся в исследование сложных процессов сталинской репрессивной политики. В Смоленской области в ходе активной разработки данной проблематики на базе государственного университета, по сути, будет

создано целое научное направление.

Объекты и методы исследования. Смоленскими учеными изучение репрессивной практики в регионе существенно шире в хронологическом аспекте; оно начинается с 1917 года и завершается 1950-ми годами. Тем не менее, в настоящей работе объектом изучения в первую очередь стали исследования по репрессиям в сталинские 1930-е годы. В связи с полученной возможностью ознакомления отдельными учеными с непосредственными архивно-следственными делами и формированием электронной базы данных Смоленского мартиролога, значительно иными стали и методы работы с архивным источником, особенно в части обвинительных заключений, признательных показаний и др.

Результаты и их обсуждение. На Смоленщине научная разработка проблематики сталинских репрессий начнется всего лишь немногим позже столичных публикаций. Первые сведения об имевших место в регионе судебных процессах периода Большого террора

читатель мог почерпнуть не из работ историков, а из «Воспоминаний» Б.Г. Меньшагина, служившего в довоенном Смоленске адвокатом, ставшим в годы немецкой оккупации бургомистром города, за что был осужден на 25 лет, отсидев после 6 лет следствия оставшиеся 19 лет во Владимирской тюрьме. «Воспоминания» Меньшагина были подготовлены к печати и изданы в Париже в 1988 г. [16]. В своих мемуарах автор довольно подробно описывает некоторые судебные процессы второй половины 1930-х годов на Смоленщине, где он выступал в качестве адвоката. При этом обоснованные сомнения в правдивости слов Меньшагина о его реальной помощи своим подзащитным высказывает в своем исследовании смоленских показательных процессов 1937-1938 годов Б.В. Макеев [13, с. 315].

События, связанные с именем Меньшагина, получили свое продолжение в недавно изданной коллективной работе «Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы», вдохновителем и организатором подготовки которой стал П.М. Полян [1]. Здесь «Воспоминания» Меньшагина снабжены подробными комментариями составителей, что делает их более исторически весомыми. В целом же мемуары бывшего адвоката, с одной стороны, хорошо показывают всю надуманность судебных процессов по вредителям на Смоленщине 1937-1938 годов, с другой стороны, то, что адвокатские возможности по защите обвиняемых все же имелись. Хотя последнее обстоятельство может относиться только к рассмотрению дел в «нормальных» судебных заседаниях, исключая внесудебные органы репрессии (тройки, особые совещания...).

Очевидно также, что представленная нами работа Меньшагина никак не повлияла на усиление научного интереса к репрессивной практике сталинизма на примере отдельного региона страны. В этом вопросе Смоленщина не стала исключением: здесь, как и в целом по стране, накопление необходимого багажа исторического знания по данной проблематике начнет проявляться только к концу 1990-х годов.

Хотя первые публикации появились несколько раньше. В 1995 г. на основе в первую очередь документов так называемого «Смоленского архива» Е.В. Козин подготовил небольшую по объему книгу «Смоленский

нарыв» [8], в которой была показана внутренняя природа показательной чистки в партийных и государственных структурах губернии в 1928-1930 гг., свидетельствующая о завершении процесса формирования вертикали сталинской системы управления.

К этому времени будет переведена на русский язык и издана в 1995 г. в Смоленске работа профессора Гарвардского университета Мерла Фэйнсоды «Смоленск под властью Советов» [19], впервые опубликованная в США еще в 1958 г. [26]. Данная работа Фэйнсоды была также подготовлена исключительно на документах оказавшегося после войны в США «Смоленского архива» – незначительной по объему части вывезенного в годы войны нацистами областного партийного архива (538 дел). В оценке редактора и автора вступительной статьи в издании на русском языке Е.В. Козина отмечается, что данная работа стала «поистине “настойной книгой” для нескольких поколений западных советологов» [19, с. 16].

Материалы по репрессивной практике сталинизма имеются в разных разделах книги Фэйнсоды. Непосредственно работе органов прокуратуры и суда посвящена девятая глава «Машина правосудия: прокуратура и суд». Автор отмечает, что в то время как суды оставались в подчинении Народного комиссариата юстиции, прокуратура приобретала все более независимый статус по отношению к органам правосудия. Хотя на практике далеко не все обстояло именно так. «Надзаконно, подзаконно и законно, – заключает Фэйнсод, – прокуратура и суд продолжали функционировать в качестве орудия партийной диктатуры» [19, с. 198], реальное положение системы законности «было прислужническим и зависимым, от нее нельзя было ожидать одинаково жестких мер по отношению к «слугам» и «господам» [19, с. 213].

Вскоре после публикации книги Фэйнсоды были переведены на русский язык три статьи американского историка из Бостона Роберты Маннинг, в которых она исследовала репрессивную практику сталинизма на примере отдельного Бельского района, входившего изначально в состав Смоленской губернии, а затем в Западную область с административным центром в Смоленске (ныне находится в составе Тверской области). В

1998 г. означенные работы были изданы отдельной книгой [15].

Исследование Маннинг примечательно в первую очередь тем, что различные аспекты репрессивной практики сталинизма рассматриваются здесь не через призму решений Кремля, а через их непосредственное преломление на уровне одного затерянного в лесах Бельского района Смоленщины.

Многие проблемы в деятельности репрессивной машины автор объясняет кадровым голодом в районе. Маннинг приводит пример работы районного судьи М. И. Брандина, назначенного на эту должность в 1934 г. и не имевшего ни «малейшей юридической подготовки» и какого-либо опыта практической работы в системе правосудия. Однако ему только за период с 1 января по 1 сентября 1937 г. пришлось рассмотреть 1424 дела, из них 406 уголовных и 1018 гражданских, то есть по семь дел в день при шестидневной рабочей неделе без выходных и отпусков. И это при том, что Брандин одновременно отвечал за надзор над работой 34 сельских судей и инструктирование их по вопросам советского законодательства, как большей частью малообразованных, выбранных из числа местных крестьян [15, с. 17]. Говорить о качестве работы судебной системы в такой ситуации не было оснований, заключает Маннинг. Как в прочем и о работе местной прокуратуры, штат которой состоял из прокурора и полустеричной секретарши, совершившей несколько неудавшихся попыток самоубийства, и которая «не могла делать ничего, кроме как терять или откладывать в сторону не расследованные жалобы» [15, с. 18].

Общая картина анализа зарубежных публикаций по репрессивной практике сталинизма на Смоленщине нашла свое отражение в конце десятилетия в монографии Е.В. Кодина «Смоленский архив» и американская советология» [7]. Автор отмечает, что террор существенно поменял работу органов правосудия. Обычные дела принудительно переводились в категорию политических, расследования проводились без достаточных на то оснований. Имело место и общее падение норм профессионализма в органах правосудия, поскольку из-за непомерных перегрузок дела нередко попадали для рассмотрения в руки новых, без опыта работы, а не-

редко и без специальной подготовки служащих. Даже без учета политической обстановки, замечает Е.В. Козин, соблюсти нормы законности в таких условиях не представлялось возможным, закон становился олицетворением беззакония [7, с. 200].

Постепенно и в первую очередь благодаря публикациям, связанным с материалами «Смоленского архива», Смоленск становится притягательным местом для российских и зарубежных исследователей сталинизма.

Летом 1998 г. на базе Смоленского государственного педагогического университета прошла международная научная конференция «Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении российских и зарубежных историков». Наряду со смоленскими учеными в работе конференции приняли участие ведущие российские историки, в том числе заведующий сектором Института российской истории РАН В.П. Данилов, заведующий кафедрой истории Института переподготовки и повышения квалификации МГУ имени М.В. Ломоносова А. И. Токарев, а также зарубежные исследователи, включая профессора Торонтского университета Линн Виолу, профессора Бостон колледжа Роберту Маннинг и других. Впервые на Смоленщине стало возможным сравнить позиции историков разных стран и методологических школ и направлений, исследующих российскую историю не столько на федеральном, сколько, и в первую очередь, на региональном уровне. В ходе работы конференции сталинизм рассматривался как политический режим, «тяготевший к тоталитарному варианту организации власти», что проявлялось «в узурпации всей полноты власти в стране ограниченным кругом партийной элиты с одновременным установлением фактически единоличной диктатуры И.В. Сталина» [18, с. 3]. Аспекты репрессивной практики сталинизма здесь рассматривались лишь в части проблем коллективизации и раскулачивания.

Тема ликвидации кулачества на Смоленщине, как административного центра Западной области, получила свое развитие в диссертационном исследовании и соответствующих публикациях Р.В. Шамшина [21, 22, 24]. Начиная с первого заседания тройки при Западном обкоме ВКП (б) 10 февраля

1930 г., автор показывает две волны раскулачивания в регионе: весна-лето 1930 г. и тот же период 1931 г. на основе постановления Западного обкома ВКП(б) от 10 марта 1931 г. «О выселении кулачества из пределов области».

В оценке Р.В. Шамшина процедура раскулачивания строилась по следующей схеме. Областная тройка в составе секретаря обкома партии, председателя облисполкома, полномочного представителя ОГПУ направляла указания районным тройкам, те, в свою очередь, действовали через уполномоченных, руководивших операцией на местах. Полномочные представители ОГПУ определяли по районам число лиц, подлежащих аресту. Арестованных свозили в соответствующие отделы ОГПУ. Следствия по их делам рассматривались в срочном порядке тройками по внесудебному разбирательству. В целом к концу 1931 г, отмечает Р.В. Шамшин, «можно было говорить о действительной ликвидации кулачества как класса» [23, с. 20-21].

При этом, указывает автор исследования, прокуратура области оказалась не на стороне зажиточной части крестьянства. Органы исполнительной власти «не воспринимали прокуратуру как серьезную надзорную структуру, – пишет Шамшин. – В борьбе с кулаком с ней мало считались. А отсутствие соответствующих кадров не позволяло прокуратуре противостоять даже самым вопиющим злоупотреблениям по отношению к кулакам» [23, с. 23].

Р.В. Шамшин особое внимание уделяет работе уполномоченных районных троек, которые назначались из числа «наиболее проверенных, партийно выдержанных коммунистов» [22, с. 65]. Уполномоченный был обязан в течение двух дней по прибытии на село проверить все данные по намеченным к раскулачиванию и выселению кулаков, ознакомить о цели своего приезда секретаря партячейки, провести закрытое бюро, а затем и собрание партячейки, уведомить председателя сельсовета. После этого, организовав охрану во избежание побега кулаков, следовало провести заседание группы бедноты, комсомольской ячейки, заседание сельсовета и правления колхоза. Решение о раскулачивании и выселении в тот же день подлежало утверждению на собрании колхозников, бедноты и середняцкого актива деревни. Это же собрание созда-

вало комиссию исполнения, которая немедленно приступала к проведению в жизнь принятого решения [22, с. 66].

При этом, отмечает Р.В. Шамшин, решение тройки в лице уполномоченного обжаловать было почти невозможно. Прокурорам предписывалось принимать жалобы по раскулачиванию только при наличии достаточно весомых документов и материалов. И даже в случае обоснованной жалобы само рассмотрение и расследование по ней не должно было приостанавливать реализацию решения тройки [22, с. 67]. Фактически, заключает автор, даже не сама тройка, а один ее уполномоченный уже олицетворял собой «всю полноту власти партии по отношению к крестьянству» [22, с. 71].

Но даже в таком ситуации массового насилия над деревней смоленское крестьянство не оказывало какого-либо активного, тем более организованного и массового сопротивления практике раскулачивания и колхозного строительства. Об этом в своем исследовании пишет О.В. Кобец [6]. Да, на Смоленщине имели место и пассивные и активные формы неприятия новой государственной политики в деревне, отмечает исследователь, (антисоветская агитация, создание лжеколхозов, террористические акты ...), однако массовых крестьянских выступлений в смоленской деревне «фактически не было», заключает О.В. Кобец, [6, с. 19].

В значительной степени этому способствовала и репрессивная деятельность в деревне внесудебных органов репрессии – троек. За 1928-1933 годы, приводит статистику О.В. Кобец, тройками было осуждено 3437 человек (66% от общего числа), коллегией ОГПУ – 884 человека, или 17%, и особым совещанием – 528 человек, или 10%. Эти цифры показывают, что основная роль в подавлении крестьянского сопротивления была отведена органам внесудебной репрессии. Суд и прокуратура, заключает автор, не только не встали на правовую защиту крестьянства, но, наоборот, активно включились в проведение «классовой линии» по отношению к «антисоветской» части деревни [6, с. 21-22]. Основным же фактором, не допустившим организованного крестьянского сопротивления в регионе, явился, в оценке О.В. Кобец, высокий процент хуторизации смоленской деревни, что не способствовало объединению крестьян для

массовых выступлений [6, с. 22].

Далее тема репрессий получит свое многогранное освещение в 2009 г. на площадке Смоленского государственного университета в ходе работы масштабной по составу участников международной научной конференции «История сталинизма: репрессированная российская провинция» [4].

Ко времени проведения названной конференции в Смоленске на протяжении шести предшествующих лет велась серьезная работа по формированию и изданию региональной Книги памяти жертв политических репрессий. Всего было издано семь томов «Смоленского мартиролога» [5]. Первый том «Книги памяти» был подготовлен смоленским краеведом А.А. Забелиным и издан в 2001 г. [17]. Одновременно коллективом Смоленского государственного педагогического университета совместно с сотрудниками архива регионального управления ФСБ была создана электронная картотека жертв политических репрессий Смоленской области за период с 1917 по 1953 гг. Данная картотека, как новый исторический источник, была представлена на пленарном заседании конференции в докладе руководителя проекта Е.В. Кодина.

База данных формировалась на основе картотеки репрессированных по архивно-следственным делам, хранящимся в архиве Смоленского управления Федеральной службы безопасности. Она включает в себя более 32 тысяч персоналий, из которых почти 27 тысяч человек были репрессированы в территориальных рамках Смоленщины за 1917-1953 гг. Проработанные смоленские материалы со всей очевидностью подтверждают три имевших место в целом по стране всплеска репрессивной практики: 1930-1933 годы – борьба с кулачеством; 1937-1938 годы – период Большого террора; и 1942-1943 годы – самый критичный момент в ходе Великой Отечественной войны. Более детально репрессии на Смоленщине будут показаны профессором Е.В. Кодиным в тематической монографии 2011 г. «Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953 гг.» [9].

До этого в 2007 г. Б.В. Макеевым будет защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Деятельность органов прокуратуры и суда по

рассмотрению уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в 1937-1938 гг. (на материалах Западной и Смоленской областей)» [14]. В работе впервые дана характеристика структуры и кадрового состава органов прокуратуры, суда и государственной безопасности НКВД, выделены особенности сосуществования систем судебного и внесудебного расследования уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в середине и во второй половине 1930-х годов.

Б.В. Макеев отмечает, что начиная с августа 1937 г. массовые политические репрессии стали осуществляться не только органами государственной безопасности, но и прокуратурой. Репрессивная деятельность сотрудников прокуратуры выразилась, в первую очередь, в массовой квалификации всевозможных проступков и упущений в области сельского хозяйства, порой даже самых малозначительных, в качестве контрреволюционных преступлений. Нарушение уголовно-процессуального законодательства и неизбежно вытекавшее из этого насилие над арестованными производились не столько при попустительстве, сколько при непосредственном «соучастии» сотрудников прокуратуры, по сути осуществлявших подготовку судебных процессов руками работников НКВД [14, с. 20].

Наиболее детально и полно роль прокуратуры в судебных процессах периода Большого террора представлена в статье Б.В. Макеева «Деятельность местных судебно-прокурорских органов по расследованию дел о контрреволюционных преступлениях во время массовых политических репрессий 1937-1938 годов» [13, с. 281-330]. В ней автор показывает связь массовых репрессий с масштабной чисткой смоленских прокуроров летом-осенью 1937 г., в результате которой к ноябрю 1937 г. в четырех районах из 49 должность прокурора вообще оставалась вакантной, а «оставшиеся на своих местах и недавно принятые на работу сотрудники были вынуждены сделать определенные выводы и включиться в проведение репрессивной политики» [13, с. 296]. Так называемые «перегибы» в работе становились неизбежными.

Особое место в репрессивной практике сталинизма занимала система ГУЛАГа НКВД. Именно этому аспекту на примере Вя-

земского лагеря посвящены работы О.В. Корниловой, защитившей в 2013 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Вяземлаг и строительство автомагистрали Москва-Минск (1936-1941 гг.): особенности использования принудительного труда» [11]. На основе материалов диссертационного исследования автором была подготовлена и издана в 2014 г. монография «Как строили первую советскую автомагистраль (1936-1941 гг.)» [12].

В работах О.В. Корниловой Вяземлаг представлен фактически уже в рамках будущей концепции «другого ГУЛАГа»: не как лагерь физического уничтожения «антисоветского элемента» по Солженицыну, а, в первую очередь, как производственная структура с рабочей силой из числа заключенных с малыми сроками осуждения. Для Вяземлага были установлены строгие ограничения на содержание в нем категорий осужденных по большинству пунктов статей 58 и 59 Уголовного кодекса. Таких заключенных, в оценке О.В. Корниловой, в Вяземлаге было в разные периоды в 5-17 раз меньше, чем в среднем в лагерях НКВД [11, с. 18]. Вместе с осужденными в лагере работали и вольнонаемные: в 1940 г. численность вольнонаемных в лагере выросла до 30% всего контингента занятых на строительстве шоссе [11, с. 20]. Таким образом, как по параметрам рабочей силы, так и по другим аспектам, заключает автор, Вяземлаг существенно отличался от основной массы исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа.

Внутри лагерные репрессии в Вяземлаге были единичны. В нем имелось отделение областного суда Западной области, то есть свой так называемый «лагерный суд». Осенью 1937 г. в нем работала «тройка» в составе председателя и двоих судей. Имелся свой прокурор, который осуществлял надзор за следственными делами, находившимися в производстве сотрудников третьего отдела НКВД [12, с. 26-28]. Самым резонансным для Вяземлага стало дело, связанное с арестом за невыполнение плана земляных работ в 1937 г. начальника Вяземлага П.А. Петровича, главного инженера строительства М.М. Левина, его заместителя К.К. Дембовского и пяти инженеров-руководителей производственных отделов. Всех их обвинили во вредительстве, выразившемся в

затягивании строительства, растрате государственных средств и намеренно низким качестве работ [12, с. 56]. Приговор – высшая мера наказания. Реабилитированы все были в 1956 г. В сравнении с другими лагерями системы ГУЛАГа, заключает О.В. Корнилова, Вяземлаг представлял собой в первую очередь производственно-хозяйственную структуру с большим количеством вольнонаемных рабочих и служащих, нежели часть репрессивной машины 1930-х годов, нацеленной на физическое уничтожение заключенных.

Неким промежуточным обобщением по теме репрессий на Смоленщине за весь послереволюционный период вплоть до смерти Сталина стала уже названная нами книга Е.В. Кодина «Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953 гг.», изданная в 2011 г. [9].

В первую очередь следует отметить главный тезис Е.В. Кодина о том, что смоленские материалы не дают оснований к утверждению, что вся история советской России, включая послевоенный период – это время перманентного государственного террора по отношению к собственному народу [9, с. 16]. Ничем неоправданное безумие на Смоленщине, в оценке автора, это 1937-1938 годы. Если в целом за весь исследуемый период (1917-1953 гг.) в регионе было приговорено к расстрелу 7532 человека, то на так называемый Большой террор приходится 6990 человек, или 92,8% от общего числа. Из этого количества в 1937 г. было расстреляно 3711 человек, в 1938 – 3279 человек, что составляет по 49,3 % и 43,5% соответственно от общей цифры приговоренных к высшей мере наказания [9, с. 17].

В оценке Е.В. Кодина, материалы «Смоленского мартиролога» со всей определенностью свидетельствуют и о том, что основным «инструментом» репрессивной политики государства станут не судебные, а различные внесудебные органы репрессии: в первую очередь «тройки» и особые совещания. Тройкам были подсудны все дела о контрреволюционных преступлениях. На первом этапе у них было право рассматривать дела с обязательным представлением своих решений на утверждение коллегии ОГПУ, позже им было предоставлено право окончательного вынесе-

ния решений по всем делам вплоть до применения высшей меры наказания. Именно тройка стала на Смоленщине самым безжалостным органом репрессии в годы Большого террора. Всего тройками было осуждено в области за период с августа 1937 по декабрь 1938 гг. 10 734 человека. Для сравнения за это же время через спецколлегию «прошли» 176 человек, особым совещанием были осуждены 820 человек [9, с. 142].

В ходе реализации печально известного приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» по линии прокуратуры последовали указания, согласно которым прокурорские работники не только не должны были препятствовать репрессивной деятельности сотрудников органов госбезопасности, но даже оказывать им посильное содействие. Соблюдения процессуальных норм и предварительных санкций на арест не требовалось, подчеркивают в своем исследовании «Как террор стал “Большим”» М. Юнге и Р. Биннер [25, с. 98-99]. Все это неминуемо привело к многочисленным человеческим жертвам и страданиям.

Е.В. Козин обращает особое внимание на кадровую проблему в среде следственно-прокурорских работников Смоленщины, которых отличал низкий профессиональный и образовательный уровень. Отмечается, что к началу 1936 г. около 45% следственно-прокурорских работников Западной области никогда раньше в органах юстиции не работали, они или прошли краткосрочные курсы, или вообще не имели специальной юридической подготовки. К числу последних относились и 30 районных прокуроров. Оставлял желать лучшего и уровень общего образования сотрудников прокуратуры: из 74 районных прокуроров Западной области в апреле 1936 г. высшее образование имели только четверо, среднее – 16 человек, образование остальных

прокуроров было «нисшим» [9, с. 100]. Рассчитывать на качественный прокурорский надзор и законность принимаемых следователями решений вряд ли было возможно.

В конце 1938 г. решениями центральных государственных и партийных органов массовые репрессии были остановлены. 17 ноября приказом НКВД № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года» немедленно прекращалось производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению, объявлялись утратившими силу связанные с массовыми репрессиями ведомственные приказы, циркуляры и распоряжения НКВД СССР, все следственные дела, находившиеся в производстве в органах НКВД, предписывалось направлять в суды или на рассмотрение в Особое совещание при НКВД СССР. По сути это означало окончание Большого террора.

Заключение. Репрессивная практика сталинизма – трагичная страница в истории России. Многие десятилетия тема оставалась закрытой для исторических исследований. В настоящее время административных преград для объективной оценки сталинских репрессий не существует: архивы открыты, доступ к делам ничем не ограничен (конечно, кроме материалов с грифом «секретно»), идеологических и политических запретов на тематику исследований нет. Несмотря на значительность уже проделанной историками работы, тема сталинизма еще далеко не исчерпана: требуют дальнейшей разработки не только многие «частные» вопросы, но и концептуальные, в том числе методологические подходы к оценке сталинской репрессивной практики. В этой работе важен будет и вклад региональных историков. На Смоленщине на фоне значительной проработки периода 1920-1930-х годов значительного внимания потребует к себе репрессивная практика позднего (послевоенного) сталинизма.

Список литературы

1. Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы / Сост. и подг. текста П.М. Полян. М.; СПб.: Нестор-История. 2019. 824 с.
2. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: В 2 кн. Кн 1. М.: Новости, 1989. 620 с., Кн. 2. М.: Новости, 1989. 683 с.
3. Историки спорят: Тринадцать бесед / [Под общ. ред. В.С. Лельчука]. М.: Политиздат, 1988. 508 с.

4. История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9-11 октября 2009 г. / под ред. Е.В. Кодина. М.: РОССПЭН, 2011. 599 с.
5. Книга памяти жертв политических репрессий. Смоленский мартиролог. Отв. редактор Е.В. Кодин. Том 1. Кн.1 (расстрельные списки). А-К. Смоленск: СмолГУ, 2006. 528 с.; Том 1. Кн. 2 (расстрельные списки). Л-Я. Смоленск: СмолГУ, 2006. 544 с.; Том 2. А-Г. Смоленск: СГПУ, 2003. 584 с.; Том 3. Д-К. Смоленск: СГПУ, 2004. С.656; Том 4. Л-О. Смоленск: СГПУ, 2004. 498 с.; Том 5. П-С. Смоленск: СГПУ, 2005. 608 с.; Том 6. Смоленск: СмолГУ, Т-Я, 2007. 448 с.; Том 7. А-Я. Смоленск: СмолГУ, 2008. 320 с.
6. Кобец О.В. Соппротивление смоленского крестьянства государственной политике в деревне, 1928-1933 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006. 23 с.
7. Кодин Е.В. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск: СГПУ, 1998. 288 с.
8. Кодин Е.В. «Смоленский нарыв». Смоленск: СГПИ, 1995. 112 с.
9. Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 270 с.
10. Кодин Е.В. Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9-11 октября 2009 г. / под ред. Е.В. Кодина. М.: РОССПЭН, 2011. С.41-52.
11. Корнилова О.В. Вяземлаг и строительство автомагистрали Москва-Минск (1936-1941 гг.): особенности использования принудительного труда: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2013. 22 с.
12. Корнилова О.В. Как строили первую советскую автомагистраль (1936-1941гг.). Смоленск: Свиток, 2014. 248 с.
13. Макеев Б.В. Деятельность местных судебно-прокурорских органов по расследованию дел о контрреволюционных преступлениях во время массовых политических репрессий 1937–1938 годов // Провинциальная власть система и ее представители, 1917 - 1938 гг. / под ред. Е.В. Кодина. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2005. С. 281-330.
14. Макеев Б.В. Деятельность органов прокуратуры и суда по рассмотрению уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в 1937-1938 гг. (на материалах Западной и Смоленской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007. 22 с.
15. Маннинг, Роберта. Бельский район, 1937 год /Перевод с англ. Е.В. Кодина. Общая редакция и составление кандидата исторических наук Е.В. Кодина. Смоленск: СГПУ, 1998. 125 с.
16. Меньшагин Б.Г. Воспоминания: Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма... / Подг. к печати А. Грибановым, Н. Горбаневской, Г. Суперфином; предисл. А. Грибанова (без подписи); коммент. и послесл. комментатора Г. Суперфина. Париж: YMCA-Press, 1988. 247 с.
17. По праву памяти: Книга памяти жертв незаконных политических репрессий. Т.1: Смоленский мартиролог: А–Я / Сост. А. Забелин. Смоленск: Смядынь, 2001. 608 с.
18. Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении российских и американских историков. Под общей редакцией Е.В. Кодина. Смоленск: СГПУ, 1999. 312 с.
19. Фэйнсод, Мерл. Смоленск под властью Советов. Перевод с английского Л. А. Кузьмина. Редактор и автор вступительной статьи Е. В. Кодин. Смоленск: ТРАСТ – ИМАКОМ, 1995. 496 с.
20. Что это было? : Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. М.: Политиздат, 1989. 318 с.
21. Шамшин Р.В. Единый сельхозналог как метод экономического давления на кулака, 1928-1931 гг. (на материалах Западной области) // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 2. С.223–232.
22. Шамшин Р.В. Институт уполномоченных райтроек как проводник политики партии по ликвидации кулачества как класса в Западной области, 1930-1931 гг. Смоленщине // Историю пишут аспиранты. Выпуск седьмой / под ред. Е.В. Кодина; Смол. гос. ин-т. Смоленск:

СмоЛГУ, 2007. С. 63-72.

23. Шамшин Р.В. Ликвидация кулачества в Западной области, 1929-1931 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010. 26 с.

24. Шамшин Р.В. Роль прокуратуры в процессе раскулачивания, 1930-1931 гг. // Край Смоленский. 2009. №3. С.15–27.

25. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003. С.98- 99.

26. Fainsod, Merle. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1958, 484 pp.

THE REPRESSIVE PRACTICE OF STALINISM IN THE STUDIES OF SMOLENSK HISTORIANS

The article discusses the process of forming a research direction for the study of the repressive practice of Stalinism in the Smolensk region. It is noted that for historians, repressions became an object of study only in the 1990s, when it became possible to work with archival materials. Access to the archives and the opportunity to get acquainted with various methodological approaches to the problems of repressions allowed Smolensk researchers to take up the development of certain areas of the repressive practice of Stalinism in the region. Initially, O.V. Kobets and R.V. Shamshin analyzed the practice of collective farm construction and dekulakization in the Smolensk region, identifying the reasons for the insignificance of peasant resistance to state policy in the village at the turn of the 1920s-1930s. Makeev, having gained access to the documents of the archive of the FSB in the Smolensk region, showed the activities of the prosecutor's office and the court for the consideration of criminal cases of counter-revolutionary crimes in 1937-1938. In the works of O.V. Kornilova, the theme of the GULAG was developed on the example of the Vyazemlag for the construction of the Moscow-Minsk highway. The most significant result of the long-term work of Smolensk historians on the repressive practice of Stalinism in the region was the formation and publication of the multi-volume Smolensk martyrology "Book of Memory of Victims of Political Repressions" and the creation on its basis of an electronic file of victims of political repressions for 1917-1953.

Keywords: Stalinism, repressions, Smolensk region, historiography, Smolensk historians.

References

1. Boris Men'shagin: Vospominaniya. Pis'ma. Dokumenty / Sost. I podg. Teksta P.M. Polyan. M.; SPb.: Nestor-Istoriya. 2019. 824 s.

2. Volkogonov D.A. Triumf i tragediya: V 2 kn. Kn 1. M.: Novosti, 1989. 620 s., Kn. 2. M.: Novosti, 1989. 683 s.

3. Istoriki sporyat: Trinadcat' besed / [Pod obshh. Red. V.S. Lel'chuka]. M.: Politizdat, 1988. 508 s.

4. Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossijskaya provinciya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Smolensk, 9-11 oktyabrya 2009 g. / pod red. E.V. Kodina. M.: ROSSPE'N, 2011. 599 s.

5. Kniga pamyati zhertv politicheskix repressij. Smolenskij martirolog. Otv. 103spirant E.V. Kodin. Tom 1. Kn.1 (rasstrel'nye spiski). A-K. Smolensk: SmolGU, 2006. 528 s.; Tom 1. Kn. 2 (rasstrel'nye spiski). L-Ya. Smolensk: SmolGU, 2006. 544 s.; Tom 2. A-G. Smolensk: SGPU, 2003. 584 s.; Tom 3. D-K. Smolensk: SGPU, 2004. S.656; Tom 4. L-O. Smolensk: SGPU, 2004. 498 s.; Tom 5. P-S. Smolensk: SGPU, 2005. 608 s.; Tom 6. Smolensk: SmolGU, T-Ya, 2007. 448 s.; Tom 7. A-Ya. Smolensk: SmolGU, 2008. 320 s.

6. Kobec O.V. Soprotivlenie smolenskogo krest'yanstva gosudarstvennoj politike v derevne, 1928-1933 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Bryansk, 2006. 23 s.

7. Kodin E.V. «Smolenskij arxiv» I amerikanskaya sovetologiya. Smolensk: SGPU, 1998. 288 s.

8. Kodin E.V. «Smolenskij naryv». Smolensk: SGPI, 1995. 112 s.

9. Kodin E.V. Repressirovannaya rossijskaya provinciya. Smolenshhina. 1917-1953 gg. M.: ROSSPE'N, 2011. 270 s.

10. Kodin E.V. E'lektronnaya baza dannyx zhertv politicheskix repressij Smolenskoj oblasti kak istoricheskij istochnik // Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossijskaya provinciya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Smolensk, 9-11 oktyabrya 2009 g. / pod red. E.V. Kodina. M.: ROSSPE'N, 2011. S.41-52.

11. Kornilova O.V. Vyazemlag I stroitel'stvo avtomagistrali Moskva-Minsk (1936-1941 gg.): osobennosti ispol'zovaniya prinuditel'nogo truda: atoref. dis. ... kand. ist. nauk. Bryansk, 2013. 22 s.

12. Kornilova O.V. *Kak stroili pervuyu sovetskuyu avtomagistral' (1936-1941gg.)*. Smolensk: Svitok, 2014. 248 s.
13. Makeev B.V. *Deyatel'nost' mestnykh sudebno-prokurorskich organov po rassledovaniyu del o kontrevolyucionnykh prestupleniyakh vo vremya massovykh politicheskikh repressij 1937–1938 godov // Provincial'naya vlast' sistema I ee predstaviteli, 1917 – 1938 gg. / pod red. E.V. Kodina*. Smolensk: Smolenskij gosudarstvennyj universitet, 2005. S. 281-330.
14. Makeev B.V. *Deyatel'nost' organov prokuratury I suda po rassmotreniyu ugovolnykh del o kontrevolyucionnykh prestupleniyakh v 1937-1938 gg. (na materialax Zapadnoj I Smolenskoj oblasti): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. Bryansk, 2007. 22 s.
15. Manning, Roberta. *Bel'skij rajon, 1937 god /Perevod s ang. E.V. Kodina*. Obshhaya redakciya I sostavlenie kandidata istoricheskikh nauk E.V. Kodina. Smolensk: SGPU, 1998. 125 s.
16. Men'shagin B.G. *Vospominaniya: Smolensk... Katyn'... Vladimirskaia tyur'ma... / Podg. K pechati A. Gribanovym, N. Gorbanevskoj, G. Superfinom; predisl. A. Gribanova (bez podpis); 104spiran. I poslesl. Kommentatora G. Superfina*. Parizh: YMCA-Press, 1988. 247 s.
17. *Po pravu pamyati: Kniga pamyati zhertv nezakonnykh politicheskikh repressij*. T.1: Smolenskij martirolog: A–Ya / Sost. A. Zabelin. Smolensk: Smyadyn', 2001. 608 s.
18. *Stalinizm v rossijskoj provincii: smolenskie arxivnye dokumenty v prochtenii rossijskikh I amerikanskikh istorikov*. Pod obshhej redakciej E.V. Kodina. Smolensk: SGPU, 1999. 312 s.
19. Fe'jnsod, Merl. *Smolensk pod vlast'yu Sovetov*. Perevod s anglijskogo L. A. Kuz'mina. Redaktor I avtor vstupitel'noj stat'i E. V. Kodin. Smolensk: TRAST – IMAKOM, 1995. 496 s.
20. *Chto e'to bylo? : Razmyshleniya o predposylkax I itogax togo, chto sluchilos' s nami v 30-40-e gody / L. A. Gordon, E'. V. Klopov*. M.: Politizdat, 1989. 318 s.
21. Shamshin R.V. *Edinyj sel'hoznaolog kak metod e'konomicheskogo davleniya na kulaka, 1928-1931 gg. (na materialax Zapadnoj oblasti) // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 2. S.223–232.
22. Shamshin R.V. *Institut upolnomochennykh rajtroek kak provodnik politiki partii po likvidacii kulachestva kak klassa v Zapadnoj oblasti, 1930-1931 gg. Smolenshhine // Istoriyu pishut 104spirant. Vypusk sed'moj / pod red. E.V. Kodina; Smol. Gos. In-t. Smolensk: SmolGU, 2007. S. 63-72*.
23. Shamshin R.V. *Likvidaciya kulachestva v Zapadnoj oblasti, 1929-1931 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. Bryansk, 2010. 26 s.
24. Shamshin R.V. *Rol' prokuratury v processe raskulachivaniya, 1930-1931 gg. // Kraj Smolenskij*. 2009. №3.S.15–27.
25. Yunge M., Binner R. *Kak terror stal «Bol'shim». Sekretnyj prikaz № 00447 I tehnologiya ego ispolneniya*. M.: AIRO-XX, 2003. S.98- 99.
26. Merle Fainsod. *Smolensk under Soviet Rule*, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1958, 484 pp.

Об авторах

Кодин Евгений Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Смоленский государственный университет (Россия), E-mail: EVKodin@yandex.ru
Граф Яна Юрьевна – магистрант кафедры истории России, Смоленский государственный университет (Россия), E-mail: yanagraf@yandex.ru

Kodin Evgenii Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Smolensk State University (Russia), E-mail: EVKodin@yandex.ru
Graf Yana Yuryevna – Master's student of the Department of Russian History, Smolensk State University (Russia), E-mail: yanagraf@yandex.ru